

Доктор Роджер Грин, Реформация до наших дней, Лекция 20, Протестантизм 20 века с акцентом на Карле Барте

© 2024 Роджер Грин и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роджер Грин в своем курсе истории церкви «Реформация до наших дней». Это сессия 20, Протестантизм в 20 веке, Карл Барт.

Мне нравится, знаете ли, сегодня пятница. Так что пятница — это немного, я не знаю, немного молитв или просто немного чтения, чтобы заставить нас, заставить наши умы вникнуть в то, о чем мы говорим. И поскольку мы читаем лекцию о Карле Барте, и я упомянул этого Барта, и вот он у меня здесь, Барт был создателем, автором, создателем того, что называлось Декларацией Бармена в 1934 году. И Декларация Бармена была декларацией Исповедующей Церкви, чтобы объявить о своей вере в свете ситуации в нацистской Германии.

И что является сердцем христианской веры, насколько это касается нас? Это было своего рода чертой на песке и вопросом, на чьей стороне вы собираетесь быть? Вы собираетесь быть на стороне Евангелия? Или вы собираетесь быть на стороне нацистской церкви? Где вы собираетесь стоять? Так что я сказал, ну, вы знаете, я как бы подумал, ну, я сделаю это. Я прочту всего пару разделов из Декларации Бармена для нашего небольшого молитвенного собрания здесь сегодня утром. Итак, хорошо, раздел пять, и мы вернемся к разделу пять тоже.

Итак, одна из причин, по которой я это читаю, — это желание иметь некоторое представление о том, о чем мы поговорим позже. Раздел пятый — «Бога бойтесь, царя чтите», 1 Петра 2.17. Писание говорит нам, что в пока еще не искупленном мире, в котором также существует церковь, государство имеет, по божественному назначению, задачу обеспечения справедливости и мира. Оно выполняет эту задачу посредством угрозы и применения силы в соответствии с мерой человеческого суждения и человеческих возможностей.

Церковь признает пользу этого божественного назначения в благодарности и почтении перед ним. Она напоминает о Царстве Божием, заповеди и праведности Божией, а тем самым и об ответственности как правителей, так и управляемых. Она доверяет и подчиняется силе слова, которым Бог поддерживает все вещи.

Мы отвергаем ложное учение, как будто государство, помимо своих особых полномочий, должно и может стать единым и тоталитарным порядком человеческой жизни, тем самым выполняя и призвание церкви. Мы отвергаем ложное учение, как будто церковь, помимо своих особых полномочий, должна

и может присвоить себе характеристики, задачи и достоинство государства, тем самым сама становясь органом государства. Вот это очень важно.

Мы вернемся к этому позже. Но позвольте мне просто прочитать шестой абзац в терминах этого исповедания. Номер шесть: Се , Я с вами во все дни до скончания века, Матфея 28:20, и слово Божие не имеет уз, 2 Тимофею 2:9. Поручение церкви, на котором основана ее свобода, состоит в донесении вести о свободной благодати Божией всем людям вместо Христа, и, следовательно, в служении ее собственного слова и дела через проповедь и таинство.

Мы отвергаем ложное учение, как будто церковь, в человеческом высокомерии, могла бы поставить слово и дело Господа на службу любым произвольно выбранным желаниям, целям и планам. Конфессиональный синод Немецкой евангелической церкви заявляет, что он видит в признании этих истин и в отвержении этих заблуждений необходимую теологическую основу Немецкой евангелической церкви как федерации конфессиональных церквей. Он приглашает всех, кто способен принять его декларацию и помнить об этих теологических принципах в своих решениях в церковной политике.

Она призывает всех, кого это касается, вернуться к единству веры, любви и надежды. Так вот, именно это и намеревалась сделать Декларация Бармена, и она стала довольно взрывоопасной в некотором смысле. Я имею в виду, что это действительно была линия на песке, призванная сделать это и сказать, кто будет на стороне Евангелия, а кто нет.

Давайте проясним это. Итак, здесь есть довольно сильные вещи для Декларации Бармена. Хорошо.

Итак, то, что мы сделали здесь, это лекция 10, страница 14, биографический очерк Карла Барта, и теперь мы готовы перейти к номеру В, теологии. Есть ли какие-либо вопросы о его жизни, хотя биографический очерк, который мы дали на днях? Есть ли что-то в жизни Карла Барта, что вы все еще задаетесь вопросом о том, чтобы подвергнуть сомнению? Мы только что дали обзор. Мы делаем это, может быть, с четырьмя или пятью людьми на курсе, которые являются квинтэссенцией людей.

Хорошо. Сегодня давайте перейдем к теологии и просто к предыстории теологии, а затем мы перейдем к определенным теологическим эпохам Карла Барта. Барт считал, что протестантский либерализм был в корне ошибочным.

Он считал, что протестантский либерализм был в корне ошибочным. Мы как-то упоминали, когда говорили о его биографии, что он был воспитан в этом. Это было его обучение.

И теперь, отчасти в результате Первой мировой войны, и в значительной степени в результате открытия Библии, он чувствует, что здесь есть фундаментальный изъян, и есть фундаментальная проблема с христианской теологией, и он желает как бы увести теологию от своего рода протестантского либерализма. Теперь, что касается его, в рамках этого первого пункта предыстории, слово здесь — приспособление. Что касается его, протестантская теология приспособилась к более широкой культуре.

Он собирается бросить вызов этому приспособлению к более широкой культуре. Вот что он собирается сделать, вот что он собирается сделать. Итак, две области этого приспособления, которые мы собираемся упомянуть, так что позвольте мне упомянуть их здесь, на заднем плане.

Одна область приспособления — это своего рода позитивное отношение, в некотором смысле, к науке, к культуре, к искусству, позитивное отношение к своего рода естественной теологии, позитивное отношение к такого рода культурным элементам, без какого-либо суждения о науке, без какого-либо суждения о мире культуры и мире искусства. И он порицает такого рода очень, такого рода позитивное отношение, которое мы увидим, когда займемся его теологией. Поэтому он считает, что это неправильный путь теологического развития.

Вот как протестантская теология пошла со времен Шлейермахера, и мы пошли по неправильному пути здесь. Так что это одна область, где он становится довольно критичным, и мы увидим это, когда будем говорить о его теологии. Вторая область, где он становится критичным, это протестантский либеральный акцент на чувстве, протестантский либеральный акцент на том, что он часто называет мистицизмом или религиозными чувствами, акцент на чувствах, этот вид эмпирической религии, в которую нас привел Шлейермахер.

И он действительно осуждает это, потому что это не религия Библии, насколько он понимает. Это не то, к чему призывает нас Бог. Поэтому все, что связано с чувством, эмоциями или опытом, когда речь идет о протестантизме и жизни христианина, его не устраивает.

Так что он как бы осуждает это. Поэтому то, что он хочет сделать, это вернуть теологию к теологии Реформации. Он считает, что лучшие толкователи Библии, лучшие, самые сильные толкователи Библии, которые у нас были, — это люди Реформации.

Итак, это Лютер, особенно Кальвин и другие. Итак, он смотрит на Библию, а затем говорит: ну, как мы будем толковать Библию? Ну, лучшими толкователями Библии были Реформаторы. Давайте вернемся к Реформации.

Давайте обоснуем нашу теологию в учении Реформации. Давайте сделаем это сейчас. Это то, что нам нужно сделать как протестантам.

Это битва, в которой он участвовал. Поэтому иногда это движение называют неоортодоксией. Я это написал? Я этого здесь не писал.

Иногда движение, которое он помогает запустить, в некотором смысле называют неоортодоксией или новым православием. Теперь, говоря о новом православии, он говорит о реформационном православии, принесенном в 20-й век, но это неоортодоксия. Некоторые считают это хорошим названием.

Некоторые используют этот титул уничижительно. Я имею в виду, мы используем ярлыки для людей, чтобы как-то идентифицировать их в месте и времени. Так, мы сказали, что Шлейермахер — отец либеральной теологии.

Ну, одним из основоположников неоортодоксальной теологии является Карл Барт. Так что это только номер один. Это фон.

Вот почему это так важно здесь. Я думаю, я думаю, что Тед и я говорили об этом на днях, но когда кто-то говорит мне, о, я никогда не читал Карла Барта. Он был таким либеральным.

Это предложение даже не имеет смысла, когда кто-то так говорит. Он такой либерал. Я бы его не читал.

Это даже не имеет смысла, потому что именно против чего он боролся, был протестантский либерализм. Именно против чего он чувствовал угрозу христианской вере, был классический протестантский либерализм. Так что он боролся против этого, и он противостоял либерализму довольно примечательным образом.

Ладно. Что-нибудь об этом справочном материале? Это просто дает нам представление о том, почему он пошел туда, куда пошел. Ладно.

Давайте тогда займемся вторым пунктом, трансцендентностью Бога. Хорошо. Теперь протестантский либерализм подчеркнул преемственность между Богом и нами.

Есть преемственность. Есть связь между Богом и нами. И связующим звеном, в каком-то смысле, был Иисус.

И вот Иисус становится тем человеком, который, по Шлейермахеру, настолько наполнен сознанием Бога, что мы хотим быть похожими на Иисуса. Неважно, он

не был Богом, но он, безусловно, был наполнен сознанием Бога. Итак, мы хотим быть похожими на Иисуса.

Иисус — это связующее звено между Богом и нами. Итак, классический протестантский либерализм сделал акцент на этом великом виде преемственности. Хорошо.

Теперь приходит Карл Барт и говорит: ну, конечно, вы все неправильно поняли. Библия — это не слово непрерывности. Библия — это слово разрыва между Богом и нами.

Бог совершенно иной. Теперь можно поиграть словами. Бог совершенно иной, СВЯТОЙ.

Он полностью другой. Или можно сказать, что Бог полностью, ПОЛНОСТЬЮ. Он полностью или полностью другой.

Но для Карла Барта, это дело разговоров о Боге как о моем хорошем приятеле, моем хорошем друге, это Иисус и я, что-то вроде этого, это было для него. Бог совершенно другой. Он совершенно другой.

И есть разрыв между нами и Богом. Не преемственность, как нам говорит протестантский либерализм, а разрыв между нами и Богом. Итак, когда речь заходит о трансцендентности Бога, его аргумент заключается в том, что протестантский либерализм научил людей, что они должны прокладывать свой путь к Богу, потому что есть эта преемственность.

Итак, вы сможете проложить себе путь к Богу. Вы сможете проложить себе путь в присутствии Бога, может быть, через чувства, может быть, через опыт, может быть, через какие-то знания. Но Карл Барт сказал, что это невозможно.

Вы не прокладываете себе путь к этому трансцендентному Богу. Что касается Барта, ваше отношение, когда вы стоите перед трансцендентным Богом, является отношением греховности, беспомощности и слабости. И только когда вы понимаете себя таким образом, Бог может прорваться в вашу жизнь и помочь вам.

Итак, когда он говорит о трансцендентности Бога, он в каком-то смысле подчеркивает все добродетели, о которых, как он считает, говорит Библия в терминах этой беспомощности и слабости и так далее, и веры в Бога, чтобы Он прорвался в вашу жизнь. Не все эти либеральные разговоры о том, как вы можете прийти к Богу своими силами, своими знаниями, своим опытом. Вот как вы можете прийти к Богу.

Итак, это не непрерывность, это разрыв. Это не неизбежность; это трансцендентность Бога. Так что он видит Бога совершенно по-другому, в каком-то смысле.

Теперь он говорит, что Бог не является объектом для понимания. Бог не является объектом для постижения нашими знаниями, чувствами, эмоциями, опытом или чем-либо еще. Он не является объектом.

Он считал, что либеральное христианство во многом ошибалось, как будто Бога можно постичь. Бог — это субъект, а не объект. Он — субъект.

Бог — это тот, кто говорит. Бог — это тот, кто обращается к нам. А затем нам нужно попытаться понять то слово, которое он нам дает.

Но он не является объектом, который мы можем познать посредством рационального знания или опыта или чего-то в этом роде. Кроме того, когда речь заходит о трансцендентности Бога, именно здесь, в некотором смысле, Барт вступает в культурную проблему. А как насчет наших отношений с более широкой культурой? Как насчет более широкой культуры, в которой мы живем? Как насчет науки? Как насчет мира науки или мира искусства, мира истории или мира своего рода интеллектуального знания и так далее? Как насчет этого? Ну, для либерального христианства Бог был своего рода покровителем культуры.

Бог был добр, тот, кто благословляет культуры и т. д., не для Карла Барта. Для Карла Барта Бог — судья всех культур.

Итак, если люди не думают, что Бог судит только нацистов и только нацистскую Германию, они ошибаются, потому что Бог судит все культуры. Потому что все находятся, в каком-то смысле, в непослушании Богу. И поэтому все культуры попадают под суд Божий.

Итак, нацистская Германия оказалась примером крайней степени, конечно, из-за ее порочности, бесчеловечности и т. д., что Бог ее осудит. Но Бог судит все культуры. Нет ни одной культуры, которая была бы каким-то образом благословлена Богом.

Итак, он не святой покровитель, но он судья. Хорошо, так что вы не удивлены, что теология Карла Барта начинается с этого понимания трансцендентности Бога, начинается с понимания природы Бога. Если мы не сможем это понять, то и остальное не будет ясным.

Мы должны получить наше понимание того, кто Бог, ясно для Карла Барта. Итак, трансцендентность Бога. Я пытаюсь объяснить вам, Барт.

Я не пытаюсь продать вам Барта обязательно. Вы можете соглашаться или не соглашаться. У вас могут быть пункты... И это верно для всех людей, которых мы изучали.

Я не пытаюсь продать вам это, потому что вам нужно сформировать свою собственную теологию и свое собственное мышление. Но есть ли какие-либо вопросы о трансцендентности? Вы понимаете, почему ему пришлось иметь дело с этим, почему это было так важно в свете того, куда ушла протестантская теология, и почему ему пришлось иметь дело с этим таким образом, потому что он чувствовал, что это было библейское откровение Бога. Он чувствовал, что это тот, кого вы найдете в Библии.

Ладно, трансцендентность Бога. Номер три — грех, грех человека. Ладно, теперь какой грех... Во-первых, в каком-то смысле он как Рейнхольд Нибур.

Мы упоминали Рейнгольда Нибура в предыдущей лекции, но Нибур сказал, что первородный грех — это самая эмпирическая из всех доктрин. Так что, если вы хотите увидеть доктрину, которую вы можете видеть каждый день, если вы хотите узнать доктрину, которую вы можете видеть каждый день, которую вы можете почти потрогать и почувствовать, это доктрина первородного греха. Ну, Барт не использовал именно эту фразу, но он, безусловно, в нее верил.

Итак, с момента падения человечество находилось под властью греха, насколько это касается Барта. Он чувствовал, что видел это в Библии. Итак, с момента падения мы находимся под властью греха.

И то, что сделал грех, я имею в виду, это то, что даже наши естественные способности все еще находятся под властью греха. Даже наши естественные способности, другими словами, он как Аквинский, как Августин. В нашей падшести наши естественные способности не были полностью устранены.

Если бы наши естественные способности были устранены, мы бы не смогли рассуждать; мы бы не смогли думать, и мы бы не смогли добавлять и делать это. Но наши естественные способности не устранены, но они серьезно ограничены. Они серьезно извращены, насколько это касается Барта. Итак, вот мы в нашей греховности, в нашем бунте против Бога.

И что это сделало? Каков конечный результат? Ну, это вбило клин между нами и Богом. Итак, это вбило кол между нами и Богом. Это линия на песке: Бог на одной стороне, а мы на другой.

Вот что сделал грех. Вот результат греха. Мы живем этой греховной, мятежной жизнью, в которой мы не любим Бога, а ненавидим его.

И вот, сказал он, вот результат этого. Итак, вот почему невозможно, следовательно, как учила либеральная теология, вот почему невозможно проложить свой путь к Богу. У вас нет возможности проложить свой путь к Богу.

У вас нет возможности как-то поставить себя в Божье расположение своими чувствами, своими эмоциями, следуя закону, будучи хорошим нравственным человеком, или разумом, своей способностью рассуждать, думать. Вы не можете поставить себя в Божье расположение, вы не можете поставить себя, вы не можете поставить Бога так, как будто он вам что-то должен, потому что мы грешники, мы восстаем против Бога. Поэтому все попытки найти Бога теперь невозможны для него, для Барта.

Ладно? И это включает в себя наши культурные достижения, но это также включает, извините, это также включает в себя, ой, нет, я думал, что у меня есть слово естественное богословие, может быть, я не имел его. Ладно. Это включает в себя все наши культурные достижения, которые мы считаем такими великими, замечательными и совершенными.

И помните, Барт был любителем Моцарта. Помните, Барт любил музыку, любил Моцарта. Он был экспертом по Моцарту.

Так что это не значит, что некоторые из наших достижений вообще не имеют никакого значения. Вы просто не можете сказать, что наши достижения — это способы самоутвердиться перед Богом, вот и все. И затем он также выбрал, и я не записал это, я думал, что записал, но естественное богословие.

Помните, мы уже говорили о естественной теологии в этом курсе. Итак, люди, которые полагаются на естественную теологию, вы смотрите на естественный мир, вы смотрите на мир вокруг нас, и вы можете сделать некоторые выводы о Боге и о природе Бога. Хорошо? И, конечно, классический протестантский либерализм действительно полагался на естественную теологию, а не на какую-то особую богословскую теологию, явленную во Христе.

Барт сказал: нет, естественная теология, вы не можете полагаться на естественную теологию, чтобы делать какие-либо выводы о Боге. Как вы собираетесь вывести Бога из естественной теологии? И как вы собираетесь вывести атрибуты Бога из естественной теологии? Естественная теология, куда это приведет вас для Барта? Я имею в виду, что сегодня прекрасный день, конечно. И вы можете сделать, может быть, вы делаете какие-то выводы о Боге, глядя на этот прекрасный день.

Бог — Бог порядка, мира и гармонии. Предположим, что на нас надвигается цунами, и цунами унесет 100 000 человек, тогда где же ваша естественная теология? Что вы тогда подумаете о Боге? Это то, что делает Бог? Он уносит

людей цунами, 100 000, 200 000 человек цунами, уносит целые города и так далее. Тогда, если вы собираетесь положиться на естественную теологию, какой вывод вы сделаете о Боге? Ну, ваш вывод таков, что вы собираетесь сделать вывод, что Он капризный Бог, порочный Бог.

Итак, естественная теология — это способ понимания Бога, и это для Барта. Итак, если говорить коротко, одной из групп, которая в большой степени полагалась на естественную теологию, был римский католицизм, начиная с Фомы Аквинского. А вот Барт — нет, и я не думаю, что он просто придирается к протестантам.

Он также придирается к католикам. Он нелицеприятен, когда принимает решение, и я должен бросить вызов теологии, которая возникла в 19-м и 20-м веках. Хорошо, греховность.

Теперь, вопрос в греховности, он не выразил это таким образом, но я выразил это таким образом, но вопрос в том, является ли это контркультурным посланием? Когда мы говорим о греховности человечества, греховности человечества, мы восстаем против Бога. Ни одно из наших культурных достижений не одобрит нас перед Богом. Мы не поймем Бога через естественное богословие, но является ли это контркультурным посланием? Теперь, он не использовал этот термин, но ответ на него абсолютный: это контркультурное послание.

Мы говорим о грехе здесь. Мы говорим о бунте против Бога. В общем мире, в котором мы живем, говорят ли они о грехе или бунте против Бога? Нет, я в порядке, и ты в порядке.

Вот о чем они говорят. Я в порядке, и ты в порядке. Я в порядке, ты в порядке.

Я делаю то, что считаю хорошим, а ты делаешь то, что считаешь хорошим. Видишь, Барт, он на это не купился. Так что мы грешники.

Ладно, кто-нибудь хочет поговорить о грехе? Поговорить о грехе? Есть ли здесь грешники? Ладно, ладно. Теперь номер три, я имею в виду, номер четыре в вашем списке — Иисус Христос. Иисус Христос.

Хорошо, где мы с Иисусом? Обратите внимание, я поставил это третьим, я поставил это в центр его теологии, христологии. Хорошо, теперь, если есть разрыв между Богом и нами, если есть огромная пропасть между Богом и нами, и если мы неспособны двигаться к Богу и достичь Бога, тогда то, что Бог решил сделать, по своей благодати, Бог решил прорваться в нашу жизнь. Единственное истинное откровение Бога - это Иисус.

Единственное истинное раскрытие Бога — это Иисус. Единственный истинный вид общения с Богом — это Иисус. Хорошо, это приводит нас к любимой главе Барта в Библии.

Итак, позвольте мне дать его вам. Это Иоанна 1, вы знаете это, это Иоанна 1:1 по 18. Итак, пролог к Евангелию от Иоанна, Иоанна 1:1 по 18.

У кого-нибудь есть Евангелие от Иоанна с доктором Хантом? Оно у вас есть? Хорошо, значит, вы, вероятно, уже прошли пролог. А? Вы на главе 6. Хорошо, скажите Стиву, что у нас уже осталось три недели курса, три полных недели, три недели понедельника, среды и пятницы. Хорошо, ну, просто напомним ему об этом. Итак, вы уже сделали пролог.

Ну, этот пролог просто потрясающий. Мы не будем тратить время на его прочтение, но там есть один стих, который очень важен. Так что вам нужно записать его в свои заметки и прочитать его очень внимательно.

Это Иоанн 1:14. Хорошо, Иоанн 1:14 очень, очень важен для Карла Барта. Хорошо, и что говорит Иоанн 1:14? Слово стало плотью и обитало среди нас.

Мы видели славу Его. Слава принадлежит Единородному от Отца . Слово стало плотью и обитало с нами.

Теперь у Барта была фраза для этого стиха. Он назвал это теологией в двух словах, теологией в двух словах. Насколько Барт был обеспокоен, это было библейское послание, Иоанна 1:14 .

Остальная часть Библии — это комментарий к Иоанну 1:14. Это центр библейского текста для Барта, Иоанна 1:14, теология в двух словах. Поэтому сейчас мы просто пытаемся объяснить Барта здесь, но если это центр библейского послания, это означает, что центральная доктрина христианской церкви — это доктрина воплощения.

Итак, центральная доктрина христианства — воплощение. Слово стало плотью, Бог стал плотью. Все остальное, насколько это касалось Барта, вытекает из доктрины воплощения.

Учение о воплощении — это начало и конец. Это Иоанна 1, 14. Это теология в двух словах, и это действительно довольно удивительно.

Хорошо. Итак, в Иисусе, значит, мы видим благодать Божию во Христе. Мы видим ее полностью.

Мы видим его полностью. Мы видим его от начала до конца. Мы видим благодать, которая спасает нас.

Бог прорывается сквозь нашу греховность и искупает нас, и спасает нас. Хорошо. Теперь, мы должны сказать очень быстро, но это прорывается сквозь нашу греховность. Барт говорит об этом как о торжестве благодати.

Это торжество благодати. Так вот, для Карла Барта это означало, что Божья благодать сильнее нашего греха. Божья благодать сильнее греха человечества.

Итак, Божья благодать прорывает нашу греховность, и Бог искупает нас. Вот как он это сказал. Божье «да» сильнее нашего «нет».

Божье ДА сильнее нашего НЕТ. В своей греховности мы говорим Богу «нет», но для Карла Барта Божье «да» пересилит это «нет». В конечном итоге вы не можете сказать Богу «нет».

Хорошо. И как Лютер, он верил, что мы все еще живем как грешники. В моей жизни все еще есть это оправдание Бога, но я все еще грешник в своей жизни, потому что я все еще совершаю акты бунта против Бога.

Но я делаю это, стоя под Божьим оправданием. Так что в этом смысле он очень похож на Лютера. Хорошо.

Итак, каков наш ответ здесь? Каким должен быть наш ответ? Каким должен быть ответ людей? Наш ответ должен быть полностью зависимым от благодати Божьей. Мы полностью, тотально, на 100% зависим от благодати Божьей, что, по Барту, означает, что мы не зависим от дел. Мы не зависим от добрых дел.

Мы не зависим от опыта. Мы не зависим от хороших чувств. Мы зависимы только.

Мы отдаём себя только на милость Божию и полностью зависим от его благодати. Вопрос в том, был ли Барт универсалистом? Вопрос в том, верил ли Барт, что все люди будут спасены Божьей благодатью? Потому что Божья благодать сильнее нашей... Божье «да» сильнее нашего «нет». Божья благодать сильнее нашей греховности.

Итак, вопрос в том, спасет ли Бог всех? Это конец истории? Спасет ли Божья благодать всех? Ну, он на самом деле не отвечает на этот вопрос. Это действительно открытый вопрос. Я слышал эту историю, но она, вероятно, апокрифична.

Я слышал историю о том, что кто-то спросил Барта, универсалист ли он, и он ответил, что универсалист с маленькой буквы «у». Так что я не знаю, правда это или нет, но он определенно склонялся в этом направлении, потому что у него было такое сильное представление о Божьей благодати, преодолевающей греховность людей. А греховность не имеет... Грех и греховность не имеют конечной жизни. Она умрет, тогда как Божья благодать вечна.

Так что он, конечно, склонился в этом направлении, в этом нет сомнений. Ладно, еще одно. Мы все еще на Иисусе здесь, так что мы не оставили Иисуса.

Я не оставил Иисуса Христа ради Барта. Другое дело, конечно, что Барт увлекается христологией. Хорошо, и что вы думаете... Угадайте, какой будет его величайший отрывок, когда дело дойдет до христологии.

Кто-нибудь хочет угадать? Повтори еще раз. Это хорошая догадка. Мне нравится, но не совсем.

Его величайший отрывок, вам нужно это записать. Его величайший отрывок, когда речь идет о христологии, насколько он понимает, отрывок выше всех отрывков - это Филиппийцам. Филиппийцам, глава 1. Вы можете взять всю 1-ю по... Извините, Филиппийцам, глава 2. Вы можете взять всю 1-ю по 11-ю, но он сосредоточился на том, чтобы начать со стиха 5. Так что, насколько он понимает, когда дело дошло до христологии... Так что он собирается вступить в христологическую дискуссию.

Он не собирается уклоняться от этого. Это продолжается с начала... С ранней церкви, Иисус Христос. Насколько он понимает, Иисус — полностью Бог и полностью человек одновременно.

Итак, он полностью божественен и полностью человечен одновременно. Эти две вещи неразделимы. Вы не можете отделить полную человечность от полной божественности... Полная человечность Иисуса от полной божественности Христа.

Итак, он прекрасно описывает Послание к Филиппийцам 2:5–11. Итак, сначала рассмотрим пятый стих. Имейте в себе те же мысли, какие и во Христе Иисусе, Который, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек.

И став по виду человеческому, смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Итак, Филиппийцам 2:5-8 — это Господь, ставший нашим слугой. Вот как он описал Филиппийцам 2:5-8. Это демонстрация того, как Господь стал нашим слугой.

Но на этом Библия не заканчивается. На этом не заканчивается история в Послании к Филиппийцам. Итак, Господь стал нашим слугой.

Но затем, обратите внимание на 9. Посему и Бог превознес Его, дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца. Ну, Филиппийцам 2, 9-11 — это слуга, становящийся нашим Господом. Я думаю, это прекрасный способ разобраться с отрывком из Филиппийцам.

Это был величайший христологический отрывок, который есть в Библии, насколько он был обеспокоен. Это прекрасный способ разобраться с этим. Господь становится нашим слугой, а слуга становится нашим Господом, и это своего рода круговорот для Барта.

Господь стал нашим слугой, но слуга стал нашим Господом, и вы продолжаете ходить по кругу. Вы не можете разделить эти две вещи, человеческую и божественную природу. Поэтому он не боится христологического аргумента.

Он попадает прямо в середину, как и ожидалось. Я не знаю, сколько времени он на это тратит, может быть, 300 или 400 страниц или около того, но он тратит на это много времени. Хорошо, вот Иисус и два отрывка, сердце всего этого — Иоанна 1, 14, а затем христология, Филиппийцам 2:5 по 11.

Хорошо, давайте остановимся на минутку. Что-нибудь об Иисусе? Иисус, безгрешный Спаситель Карла Барта. Что-нибудь об Иисусе? Хорошо, у нас есть Бог, затем у нас есть наша греховность, а затем у нас есть Бог, прорывающийся через нашу греховность в лице Иисуса Христа.

Ладно, так что мы все готовы. Мы понимаем его аргументацию. Хорошо, номер пять — это Писание, Библия.

Он говорит о Библии. На самом деле, самый первый том называется «Слово Божье», но под этим он подразумевает Слово Божье, Христа, но также Слово Божье, которое приходит в Библии. Хорошо, так что же он собирается делать с Библией? Ну, что он собирается... Боже, это становится немного сложным, но в любом случае, что он собирается делать с Библией? Он собирается спорить о Библии по аналогии.

Он собирается использовать аналогию с христологией. Хорошо, Иисус полностью человек и полностью божественен одновременно. Эти две вещи неразделимы.

Что касается его, то по аналогии он утверждает то же самое о написанном слове. Он говорит, что написанное слово полностью человеческое и полностью божественное одновременно. Так что для него это полностью божественное слово.

Это слово от Бога для Карла Барта, но это также и полностью человеческое слово для Карла Барта. Так что это то, что важно для Барта. Теперь вы можете соглашаться или не соглашаться с таким взглядом на Библию.

Я просто пытаюсь объяснить, как Барт рассматривал Библию, но он не рассматривал Библию, начиная с Библии, а затем приходил к какому-то учению о Христе. Сначала у него есть учение о Христе, а затем, исходя из этого учения, он развивает свое видение Библии. Основная задача Библии, насколько он понимает, — свидетельствовать о Христе.

Это основная работа. Для этого она и дана. Свидетельствовать о Христе.

Когда Дух помогает нам понять, что он свидетельствует о Христе, тогда мы поступаем правильно. Карл Барт сознательно занимает золотую середину. Что такое золотая середина? Золотое место в том, что он занимает позицию либерализма, который принижал слово Божье.

Это не совсем слово Божие, это своего рода человеческая книга. Вы можете вывести некоторые вещи о Боге, может быть, и об Иисусе в этой книге, но либерализм как бы отрицает авторитет слова Божьего. Он считает Библию гораздо более важной, чем это.

Итак, с одной стороны, либерализм. Но с другой стороны, фундаментализм. Фундаментализм, насколько он понимает, фундаментализм придумал взгляд на Библию, который по иронии судьбы был выше их взгляда на Иисуса.

Из-за их взгляда на Иисуса, если они были правы христологически, их взгляд на Иисуса должен быть таким, что он полностью Бог и полностью человек одновременно. Это должно быть их взглядом. Если они впадают либо в его человечность, либо в его божественность, то это впадение в ересь.

Церковь уже продемонстрировала это. Однако их взгляд на Библию заключается в том, что она исключительно божественна. В ней нет никакой человечности.

Это исключительно божественно. И поэтому, что касается Барта, у них тут есть своего рода бумажный Папа. У них взгляд на писание выше взгляда Иисуса.

И у вас не может быть взгляда на Библию выше, чем взгляда на Иисуса. Иначе вы тут как бы не в центре. Так что ему не нравится либеральное представление о том, что Библия — это просто в целом хорошая книга, и вы ее читаете.

В нем есть что-то хорошее, но ему не нравится фундаменталистский взгляд, который ставит доктрину писания выше доктрины Иисуса. Поэтому он собирается отстаивать оба случая и встанет посередине, насколько это касается его. Так что, ладно.

Итак, есть две вещи, которые следуют из его взгляда на писание: важность проповеди и важность провозглашения. Какова работа Барта в церкви? Какова главная работа церкви? Главная работа церкви — провозглашать благу ю в ест Евангелия из этой книги. Вот в чем работа.

Итак, проповедь для Барта — это главное. Барт сам был проповедником, но проповедь — это главное. Провозглашение Евангелия, вот в чем суть.

Итак, он хороший протестант. Он хороший реформатор, не так ли? Потому что именно это реформаторы придали проповеди писания важность... Это то, что делает церковь. Вы едете по Европе и попадаете во множество... Если вы едете в Скандинавию, например, вы попадаете во множество лютеранских церквей, потому что там это преобладает.

И мне нравятся статуи в этих церквях, много статуй Лютера в этих церквях. Вы заметите, что когда вы видите статую Лютера, вы видите Лютера, стоящего там, и часто он указывает на Библию. Статуя указывает на Библию.

Ну, это очень по-реформаторски, очень по-протестантски, не так ли? Ну, Барт согласился бы с этим, потому что Библия и проповедь из Библии — это одно из ответвлений высокого взгляда на писание. Второе ответвление высокого взгляда на писание — это его взгляд на откровение, его взгляд на то, что открывается. Хорошо.

Что касается Барта, откровение Бога в Библии и раскрытие, которое приходит через Писание, не приходит, когда мы изучаем Библию и когда мы разумно используем свой разум, чтобы понять Библию. Это не то, когда приходит истинное откровение. Это не то, когда происходит истинное откровение.

Хорошо. Истинное откровение приходит, когда мы позволяем Библии изучать нас. Истинное откровение Бога приходит, когда мы изучаем Библию, а не когда мы думаем, что действительно познаем Бога и себя, изучая Библию.

Истинное откровение приходит, когда мы позволяем Библии изучать нас. И поэтому, сказал Барт, на самом деле мы не исследователи Библии. Мы слушатели Библии.

Мы не приходим к Библии, и мы не получим библейского послания, если мы думаем, что единственное библейское послание — это исследование Библии. Мы получим библейское послание только тогда, когда станем слушателями Библии. Вот почему проповедь так важна.

Теперь, через пару недель, некоторые из нас будут на конференции в Балтиморе, штат Мэриленд, и там будет много людей, которые почувствуют, что, изучая Библию, они действительно поймут, что такое откровение Бога. Но есть много людей, которые профессионально изучают Библию, и много людей, которые профессионально преподают Библию, которые не являются слушателями Библии. Они не слушают, что Библия говорит им, понимаете, или церкви.

Они просто исследуют Библию. Это то, чем они занимаются профессионально. Но, знаете, Барт действительно бы это оспорил, потому что, хотя все исследования важны, все учения важны, если вы не слушаете Библию, вы не получаете откровения Бога, понимаете.

Итак, я чувствую, что проповедь будет длинной, поэтому я остановлюсь на этом, но это было довольно важно для Барта, в чем заключается откровение. Итак, хорошо, Писание. Теперь мы переходим к Писанию.

Есть вопросы по Писанию? Хорошо, у вас все в порядке ? Давайте перейдем к правительству. Давайте перейдем к правительству здесь. Всего пара вещей о правительстве и о понимании отношений с церковью и государством, так что.

Хорошо, вы заметите в отрывке, который мы читаем, что Бог устанавливает церковь, конечно, но Бог также устанавливает правительства. Итак, Бог является автором церкви, но Бог также является автором различных форм правительства. Хорошо, то, о чем вы должны быть осторожны, Барт, это то, что христианство никогда не может быть смешано с какой-либо формой правительства.

Для Барта нет формы правления, которая была бы более или менее христианской. Есть только формы правления, которые Бог устанавливает, которые Бог устанавливает, Бог приводит в действие, и у них есть определенные обязанности. Но христианство никогда не должно связывать себя с какой-либо формой правления.

Бог создал церковь. Бог создал государство. Хорошо, поэтому мы должны быть осторожны, и он считал, что все правительства по своей природе связаны с человеческим грехом, потому что ими управляют люди.

Итак, по своей природе они связаны с человеческим грехом. Поэтому, берегись, церковь, с большой буквы С, берегись, чтобы ты не связала себя ни с какой формой правительства, потому что ты собираешься связать себя с какой-то формой греховного учреждения. Церковь — это тело Христа, а невеста Христа не может быть связана ни с какой формой правительства.

Итак, теперь вопрос в том, почему он так увлекся критикой нацистского правительства? Если он собирается быть верным своему принципу, что нельзя связывать себя ни с какой формой правительства, церковь установлена этим Богом, и правительство установлено Богом; почему он критиковал нацистское правительство? Теперь, другой вопрос в том, почему Дитрих Бонхёффер, которого мы изучим позже в этом курсе, почему он ввязался в попытку убить Гитлера? Он был гораздо более вовлечен, чем Барт. Он ввязался в попытку убить Гитлера. Почему? Что заставило этих людей, если они собирались быть верными своей собственной теологии, церкви и государству, что заставило этих людей начать критиковать и даже Бонхёффера ввязаться в заговор с целью убить Гитлера? Ну, короче говоря, что заставило их сделать это, так это то, что было очевидно, что правительство, которое функционировало в Германии, не было предопределено Богом.

Если бы это было предопределено Богом, оно бы демонстрировало те характеристики, которые Бог хочет, чтобы проявляло правительство: сострадание, забота о бедных и обеспечение того, чтобы люди не подвергались насилию в своей собственной жизни. Именно для этого правительство и создано Богом. Поэтому, как только оно начинает делать то, что делала нацистская Германия, то есть убивать миллионы людей одновременно, это уже не правительство.

Это не правительство. Это восстание против Бога. Так что у вас здесь нет лидера или правительства.

У вас есть не-лидер, и у вас есть ложное правительство здесь. Поэтому церковь может стоять как объективный взгляд на это правительство. Церковь может стоять и смотреть на это правительство и говорить, что правительство не предопределено Богом.

Итак, это не настоящее правительство. Итак, никто не обязан быть верным этому правительству. Вот почему Бонхёффер мог критиковать правительство, и вот почему Барт мог критиковать правительство, и вот почему Бонхёффер в конечном итоге решил убить Гитлера.

Бойтесь Бога, чтите императора. Писание говорит нам, что в пока еще не спасенном мире, в котором также существует церковь, государство имеет, по божественному назначению, задачу обеспечения справедливости и мира. Это то, что правительство должно делать.

Вопрос в том, обеспечивали ли нацисты справедливость и мир? Шалом, абсолютно нет. Мы отвергаем ложную доктрину, и государство, помимо и за пределами его особой миссии, должно и могло бы стать единым и тоталитарным порядком человеческой жизни, тем самым выполняя также призвание церкви. Итак, государство пыталось стать единым порядком жизни людей, и вы не можете этого сделать, потому что вы принимаете на себя призвание церкви.

Итак, есть множество причин, чтобы сказать «нет» нацистам, в этом нет сомнений. Затем, Декларация Бармена замечает, как заканчивается Декларация Бармена. Декларация Бармена говорит, что Иисус Христос — единственное слово Бога, которое мы должны слышать, которому мы должны доверять и которому должны подчиняться.

Итак, Декларация Бармена заканчивается заявлением Иисуса перед лицом этого мира, в котором жили эти люди, что было довольно ужасно, но это правительство. Хорошо, итак, предыстория, трансцендентность Бога, грех, Иисус, писание и правительство. Есть ли что-нибудь об этом у Карла Барта? Вы понимаете, почему он был так важен? Вы понимаете, как он заставил маятник качнуться обратно к ортодоксальности? С этим ясно.

Это доктор Роджер Грин в своем курсе истории церкви «Реформация до наших дней». Это сессия 20, Протестантизм в 20 веке, Карл Барт.